

наши публикации

сб. 24 мая, 1989 г.

24 мая — день рождения М. А. ШОЛОХОВА

Восемьдесят четвертую весну встретил бы в этом году великий наш современник Михаил Александрович Шолохов, отмеченный всенародным признанием. И не только в нашей стране, но и во всем мире. Нет, пожалуй, ни одного по-настоящему крупного писателя на земле, который не отдал бы ему дань восхищения. Восхищения его бессмертными творениями-книгами, его необыкновенной судьбой. Когда пришла Октябрьская революция, ему было всего двенадцать лет. Еще живы многие в станице Вешенской, перед которыми прошла вся жизнь писателя, кто помнит мать Михаила Александровича, кто знает, что отец его был одним из самых культурных людей на Дону. Это благодаря им библиотека Шолохова еще подростком перечитал Пушкина, Тургенева, Толстого, Некрасова, Чехова, Горького и воспринял их уроки мастерства, их тайнства глубинного проникновения в человеческие характеры. И когда пришла Великая Отечественная война, Шолохов еще подростком попал в самую ее «колодезь», прошел такую закалилку, которая не многим выпадала за всю жизнь. В пятнадцать лет он принимает участие в преследовании белых банд в степях Верхнего Дона, чудом избегает расстрела, попал в руки батьки Махно. Так что не из книг, а собственными глазами видел он, как лилась кровь людская в этих местах.

И когда вышли в свет его «Донские рассказы» и «Лазоревая степь», было ясно, что все, о чем рассказывал совсем молодой писатель, пережито им, выстрадано и выношено в сердце. Рассказы эти — как сверкающие частицы самоцветной мозаики, которая затем сложилась, вообразив в себя чеперные судьбы многих шолоховских земляков, в картину эпическую, грозную и возвышенную, встающую от земного и поэтического авторского мировосприятия. И потом, много лет спустя, бывшая в Вешенской, да и в других местах рядом с ней, можно было встретить среди местных жителей тех, кто так или иначе оказался связан с этой шолоховской эпопеей. Анатолий Калинин пишет: «Приехав в Вешки и еще не встретившись с Шолоховым, уже начинаешь ощущать его присутствие. Старуха, у которой покупаешь молоко, заявляет:

— Гришка Мелехов — мой племянник. Только его фамилия была Ерманов. А Михаил все распознал про него и пропечатал. Все до капельки.

Вскоре убеждаешься, что и другие вешенцы претендуют на близкое родство с героями шолоховских книг...

Много таких свидетельств рассыпано по донской земле. Что ж, это и неудивительно: Шолохов описывал жизнь, окружающую его, и многое из подсмотренного у своих земляков действительно зримо, узнаваемо перенес на страницы своих книг. Потому они и живы сегодня и так волнуют сердца людей глубиной философских осмысленных правд.

И неудивительно, что в нынешней нашей публикации сошлись два таких на первый взгляд разнородных материала — воспоминания о Шолохове его земляка, начало которых относится к 30-м годам, и фрагменты научной статьи зарубежных ученых, подписанных своим голосом в защиту Шолохова, его великого «Тихого Дона». Но есть в этих публикациях и нечто общее: они показывают, что жизнь писателя, отдавшего всего себя служению народу, партии, Революции, никогда не оставалась спокойно-бездельной. Вся жизнь его была борьбой. И сегодня его творчество принимает самое активное участие в очистительных процессах преобразования нашего общества. Потому и дни эти майские — и в Вешенской, и на Дону, и по всей стране — стали настоящим всенародным праздником...

ДОМ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

В. Т. ЛОГАЧЕВ: сама жизнь наших семей как бы корнями переплелась

В МИЛЛЕРОВЕ есть дом по тихому Газетному переулку, на котором будто нагрой проблескивает памятная доска: «Здесь прозрелом всегда останавливался великий писатель-классик Михаил Александрович Шолохов».

Мы сидим в «его комнате», где теперь в углу, на письменном столе стоит портрет Михаила Александровича. И собеседник мой, Владлен Тихонович Логачев, медленно говорит:

— Первые судьба свела меня с Михаилом Александровичем еще в тридцатые годы, еще мальчишкой. Помню, мы только что переехали из станицы Казанской в Вешенскую, куда отца перевели председателем райисполкома. И на другое же утро зашел к нам человек: гимнастерка под широким ремнем, брюки в сапоги, курчавый, светлый такой. Спросил, как устроились. Спассибочка, отвечал отец, обживемся. Человек еще засмеялся:

— Да ты уже и совсем по-казачьи гутарить научился, Тихонь...

Оказалось, сосед этот — писатель Шолохов. Я тогда, конечно, и не догадывался, что благодаря этому соседству, переплетению событий, детских и взрослых судеб предстоит мне быть близким к семье Шолоховых...

...Здесь, пока Владлен Тихонович с Любовью Блавленной ставили чай, надо представить читателям моего собеседника. Логачеву сейчас 62 года. Семнадцатилетним, напросился на фронт. Таким мальчишкой, что генерал Петров, увидев его с пижаркой, спросил однажды по-отечески: «Сынок, а дома ругаться не будут?» Воевал на Тамани, через несколько месяцев был ранен и демобилизован. Окончил институт инженеров железнодорожного транспорта. С 1952-го на партийной работе. Последние 14 лет был первым секретарем Миллеровского горкома партии. В прошлом году ушел на пенсию...

— Но из всех моих впечатлений, как теперь говорят, шолоховскими были трагические дни 37-го года, — продолжает Логачев. — Первого секретаря райкома Петра Кузьмича Лугового вызвали в область, потом оказалось, что надоло. А к нам пришли с обыском. Перерыли все в четырех комнатных квартирах. Благо работы оказалось немного: сундук да кровати со старыми периными. Знакомые люди, а пришли, как чужие. Именной «кольт» отцовский забрали, на котором была гравировка: «За ликвидацию банд Жердова и Корыстина». Отец в гражданскую был комиссаром железнодорожного батальона. Усмехнулись с издевкой: «Вредить собрался, а оружие с гражданской нечищеное лежит!».

Честно сказать, даже не знаю, как бы мы от тех черных дней существовали, если бы не старшие, средние и младшие Шолоховы! Жили в то время в их доме сразу две бабушки — Анастасия Даниловна Шолохова и Мария Федоровна Громославская, сам Михаил Александрович с Марией Петровной, ребята. Ни в чем их отношение к нам не изменилось.

ЛОГАЧЕВ рассказывает это, а я пытаюсь восстановить в памяти другие примеры его столь же жесткой прямоты и гражданственности. Он никогда не отшвыривал своих мнений в угоду временной конъюнктуре, чем и кем бы она ни была продиктована. Его стоило только одно его письмо Е. Г. Левинской, которая сочла возможным передать копию письма Сталину:

«...Когда читаешь в газетах короткие и розовые сообщения о том, что беднота и «среднячество» нажимают на кулака и тот хлеб везет, невольно приходит на ум не очень лестное сопоставление! Некогда, в годы гражданской войны, белые газеты столь же радостно ведали о «победах» на всех фронтах, о тесном союзе с «освобожденным казачеством»...

А вы бы поглядели, что творится у нас и в соседнем Нижне-Волжском крае. Жмут на кулака, а серпянка уже раздвинута. Беднота голодает, имущество вплоть до самоваров и посуды продают в Хоперском округе у самого истога середняка, зачастую даже маломощного. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится. И, как следствие, умело промедленного нажима на кулака является факт (чудовищный факт!) появления на территории соседнего округа оформившихся политических банд...

Сегодня выяснено: банда численно-

стью в несколько десятков сабель (конная) пошла в глубь Хоперского округа. Вновь возвращается 1921 год, и если дело будет идти таким ходом и дальше, то к осени край будет наводнен этими мелкими летучими отрядами. Горючего материала много. Об этом свидетельствует и наш авторитетный орган, выславший отряд по борьбе с бандитизмом. Что же это такое, братцы? Дожили до ручки? В 29-м году — и банда. Ужасно, нелепо и дико...

Это письмо помечено 18 июня 1929 года. Да и потом не раз — и в письмах, и в личных встречах со Сталиным — Шолохов с удивительным мужеством и прямотой стоял на своем. Черное для него ни при каких обстоятельствах не было белым.

— Отец сидел в Бутырской, потом повезли за ее пределы. Старший конвой как-то непонятно предупредил: «Если развяжешь язык, потом вырвем с корнем!» — пересказывает воспоминания отца Логачев. — Оказались в огромном кабинете. Вышел человек: «Знаете, кто я?» Отец ответил отрицательно. «Я нарком Ежов, Раскажи, как хотели казаков поднимать?» Услышал в ответ, как издевались на допросах, что такое карьер...

Ежов приказал увести, но не насосем. Возвращаясь в камеру, отец считал этот допрос последним. Однако через несколько дней повезли снова. В комнате было пусто, когда во вторую дверь вошел Шолохов. Первая мысль была — об очной ставке. Но ремеш на его гимнастерке говорил, что Шолохов пришел с воли, а это само по себе было надеждой на освобождение...

«Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б). Строго секретно. Ростовскому обкому, Вешенскому РК

Льзя, не говоря уже о хлебе, но даже картошки достать невозможно... Кулаки, учителя, ремесленники, служащие пр. съели хлеб, а ребятам обещают высокую меру... Лучших людей сделали врагами партии. Дело столь серьезное, что вышло (если возьмут широко), привлекут и тебя, и Лимаева. Короле: все мы оказываемся контрразвед. И не могу снять и с себя ответственности, если так ставить вопрос. Выходит, что вы разлагали колхозы, гробили скот, преступно селили, а я знал и молчал. И для тебя вопрос стоит уже не о моральной ответственности, а о политической. Все это настолько нелепо и чудовищно, что я не подберу слов. Более тяжелого, более серьезного обвинения нельзя и предъявить. Нужно со всей лютостью, со всей беспощадностью бороться за то, чтобы снять с себя это незаслуженное черное пятно! Об этом я буду говорить в Москве, ты знаешь с кем».

У ЛУГОВОГО сохранились и копии писем Шолохова Сталину (апрель 1933 года) о перегибах и нарушениях законности, допущенных краевым руководством по отношению к районным работникам, о необходимости продовольственной помощи населению Вешенского и Верхне-Донского районов, копии ответных телеграмм Сталина.

— Тогда был допущен такой возмутительный перегиб, — читает мне страницы отцовских воспоминаний Владлен Тихонович Логачев. — Уполномоченный райкома партии по хлебоботовкам, бывший секретарь Ростовского горкома, член бюро райкома Овчинников, проводя работу, массово подозревал колхозников в воровстве зерна. Он давал строгие

Было и такое. Крайком партии во второй половине февраля, по существу накануне весеннего сева, предложил вывезти из Базков, с пункта Заготзерно, на элеватор в Миллерово шесть тысяч тонн зерна. Тяглом. Мы с секретарем райкома подчитали, что не сможем вытолкнуть указание не только до начала сева, но и за несколько месяцев. Позвонили в крайком. Отвечают: выполнять безоговорочно! Пошли к Шолохову. Выслушал, не задумываясь, сказал: «Сейчас же пошлю телеграмму Сталину».

Через два дня Сталин телеграммой ответил Шолохову, что решение о вывозе зерна отменено.

Не могли пройти бесследно эти не раз опротестованные Шолоховым и отмененные сверху директивы. Обстановка вокруг «местного пророка» накалялась. В 1938 году дело дошло даже до организованной попытки «пришить дело» ему. Трудно сказать, как бы все сложилось, если бы это поручили кому-нибудь другому, а не красноречивому — Ивану Семеновичу Погорелову. Именно он решил лично написать об этом Сталину и даже представил на Политбюро ЦК, состоявшееся 4 ноября 1938 года, документ, подтверждающий готовящуюся расправу. Сам жизнью рисковал. Но Шолохова прикрыл и тем надолго отбил охоту собирать на него компроматы.

— Можно сказать, — продолжал Логачев, — сама жизнь наших семей как бы корнями переплелась.

Вот вы спрашиваете, каким было его, шолоховское, напутствие на мою партийную работу... Стоял апрель 1973 года. Меня только что избрали первым секретарем Миллеровского горкома, когда Михаил Александрович позвонил и пригласил нас с Лю-

НА СНИМКАХ: М. А. Шолохов на просмотре фильма «Они сражались за Родину»; во время встречи с Чарльзом П. Сноу.

ВКП(б), Луговому, Логачеву, Красюкову, ОРПО ЦК, ЦК КПК.

Выписка из протокола № 50 заседания Бюро коллегии партийного контроля.

19 ноября 1937 года.

Слушали: об отмене постановления Азовско-Черноморского крайкома ВКП(б) об исключении из партии т.т. Лугового П. К., Логачева Т. А., Красюкова П. А...

Постановили: ввиду необоснованно предъявленного обвинения, в отмену постановления Азовско-Черноморского крайкома ВКП(б) (июнь 1937 года), восстановить т.т. Лугового, Логачева, Красюкова членами ВКП(б)...

Доктор исторических наук, шолоховед Константин Иванович Прийма, например, отыскал в архивах Лугового адресованное ему письмо Шолохова:

«...Не писал потому, что не было времени писать. Завтра еду в Москву. События в Вешках приняли чудовищный характер. Петра Красюкова, Корешкова и Плоткина исключили из партии, прямо на бюро обезоружили и посадили. Это восьмого. Сегодня их семьи сняли с довольствия, тем самым и детей, и семьи обрели на физическое истребление... Достать ничего не-

указания работникам на местах наводить порядок, выполнять твердое задание по сдаче хлеба. Некоторые выполняли задание зерном, полученным на трудодни, а сами оставались без хлеба. Кто не выполнял этого, его арестовывали, делали обыски, хотя и это ничего не давало. Овчинников заставлял сельсоветы описывать и изымать имущество вплоть до жилых домов. Многих руководителей заставляли вывезти даже семенное зерно. Сопротивляющиеся тоже были арестованы.

Секретарь райкома партии Шеболаев, несмотря на протесты райкома, безобразничал, противозаконных действий Овчинникова не пресекал, только обещал разобраться. Именно тогда Шолохов обратился с письмом к Сталину. Вскоре приехали для расследования председатель ЦКК Шкирятов и нарком юстиции Крыленко. Все незаконно арестованные были немедленно освобождены. Хозяйствам отпустили семена на яровой клин и продовольствие. Овчинникова привлекли к строгой ответственности. По указанию Шкирятова и Крыленко была создана под моим председательством комиссия, которая возвращала незаконно изъятые имущество.

бой в Вешки. Он встретил нас на пороге.

— А вот и наш новоиспеченный секретарь прибыл!

Обнялись. После обеда, за которым много было веселого, ни к чему не обязывающего разговора, ушли в кабинет Михаила Александровича на первом этаже. Закурили.

— Ну, рассказывай, как все было... — сказал он мне.

Признаться, я чувствовал себя, как на экзамене. Как мог, передал намерения, которые думал осуществлять, о своем отношении к новой должности. Я внутренне чувствовал, что он хочет дать мне свой совет в столь ответственную пору. И не ошибся. Слов его было немного. Их нетрудно было запомнить на всю жизнь: «Быть секретарем — это почетно. Но в то же время и ответственность на тебя ложится большая. За судьбу людей, города и его парторганизации. Запомни: секретарем должен быть строгой скромности человек».

...Часто приезжал к нему в минуты тяжелых раздумий и сомнений!.. Исповедовался и слышал: «Ничего, партия — такой организм, что свое все равно возьмет!».

Записал В. ОГУРЦОВ.

Праздник приходит в Вешенскую

Нынешний воскресный день начнется барабанным дробью утренней побудки, которая позывает земляков Шолохова на улицы и площади знаменитой станицы. День рождения великого писателя 24 мая, но теперь, уже по набирающей силу традиции, близлежащие и чужие воспримут каждый год становится ярким и песенным праздником. Множество приезжих людей, поклонившихся селому месту со скромным надгробием, медленно пойдут по Вешенской, вглядываясь в лица лю-

дей и домов, ненадолго останавливаясь, чтобы погугутарить с хозяевами и отпробовать здешних разносолов, которыми уставлены вынесенные из домов столы: угощаются люди добрые, чем богаты...

Старики выйдут, поздравляя бравыми наградами на гимнастерках. Старухи достанут из сундуков старинные нашивные шали. И местное рукоделие небрежно набросит на заборы. Невиданный нынче инвентарь вынесут и выкатят во двор — так жили и хозяйствовали. И бу-

дет все это не этнографической похвалой, а желанием по-своему полнить «Тихий Дон» — «Поднятую целину», и было казачье житье-бытье.

В районном Доме культуры состоится Шолоховское чтение, участниками которых познакомятся с последними работами шолоховедов. К новым экспозициям пригласит гостей Музей-заповедник М. А. Шолохова. Большой театрализованный праздник начнется с ярмарки. На импро-

визированные подмостки выйдут актеры всех семи театров Дона, 36 фольклорных коллективов. С каждым годом все больше гостей собирает «Шолоховская весна». Нынче на берегу Тихого Дона выступят коллективы из Москвы, Ленинграда, Донецка, Куйбышева, болгарского города Ловеча... Выступят ансамбли назов-некрасовцев Ставрополя и донских казаков...

Станица Вешенская.